

*4 ДЕК 1943

В. АРДАМАТСКИЙ

Возвращение к жизни

В течение двадцати пяти месяцев немцы в Киеве педантично изо дня в день истребляли население, искореняли все украинское и, в первую очередь, украинскую культуру. В Киеве действовали специальные уполномоченные из Берлина, занимавшиеся уничтожением различных отраслей украинской культуры.

С миссией убить украинскую оперу в Киев в свое время пришла интендант Вольфганг Брюкнер. Он был назначен полновластным хозяином, художественным руководителем и дирижером Киевского оперного театра. До войны он был дирижером салонного оркеструка, выступавшего в одном из ресторанов Кенигсберга.

Как известно в момент немецкого вторжения все театральные коллективы, в том числе и артисты Киевской оперы, эвакуировались из Киева. Но Брюкнер, рассчитывая на то, что в огромном городе должны были остаться некоторые не успевшие уехать оперные музыканты и певцы, объявляет обязательную регистрацию всех певцов и музыкантов, якобы, для создания нового коллектива украинской оперы. Уклониться от этой регистрации было трудно, а тем, кто зарегистрировался, вырваться из рук Брюкнера было вовсе невозможно.

На первом собрании Брюкнер выступил с речью. Он сказал: «Прежде всего нам надо договориться, что ни русской, ни украинской оперы в природе не существует».

После сих откровений Брюкнер собственно мог уже свою речь не продолжать — все было ясно.

Над кассой театра появилось огромное объявление: «Нур фюр дейтше» — «Только для немцев». Начались репетиции немецких опер. Хороших певцов не было. Премьершей оперы стала безгологая певичка любовница главного интенданта города. Она пела так, что музыканты зажимались от ужаса. По отношению кастроптивым Брюкнер применял, как он любил выражаться, «соответствующие меры».

Эти «меры» Брюкнера всем были известны.

Оркестрант Желиховский был тяжело болен. Однажды на репетиции ему стало плохо, и он попросил у Брюкнера разрешения выйти. Брюкнер крикнул: «Играйте! Подырь!» Через несколько дней этот музыкант обратился к Брюкнеру с просьбой уволить его из театра. Брюкнер отправил музыканта в госпиталь.

Однажды на репетиции Брюкнеру показалось, что оркестрант Багликов «мало работает». Старый опытный музыкант спокойно стал объяснять Брюкнеру, что «такая работа» обусловлена его партией в

общей партитуре. «Много разговаривать стали!», — взвизгнул Брюкнер и запустил в музыканта палкой.

Брюкнер ввел в театре жесточайшую систему штрафов. Кто-то однажды глухо сказал, что никому не дано права так обращаться с людьми. Брюкнер узнал об этом заявлении, немедленно собрал коллектив и выступил с разъяснительной речью, которую он начал буквально так: «Кое-кто из вас уже требует, чтобы я обращался с вами, как с людьми. Знайте, что вы для меня не больше, чем сворине свиной, с которыми я вынужден работать под одной крышей». На репетициях этот мерзавец обычно употреблял выражения: «свиньи», «идиоты», «бездельники в пиджаках» и т. п.

Когда Красная Армия стала приближаться к Киеву, Брюкнер открыто заявил, что он от этого театра «не оставит камня на камне». Ещё в сентябре он начал осуществлять это обещание. Брюкнер погрузил в поезд и отправил в Германию всю богатейшую нотную библиотеку театра, причем характерно, что в первую очередь грузились ноты всех украинских и русских опер. Затем были увезены все декорации и костюмы украинских опер, сценические сукна, все, что представляло хоть малейшую ценность. Брюкнер приказал всем артистам театра также подготовиться к отъезду. Но фашистский режим не учел быстроты нашего наступления на Киев. Брюкнер не успел возвать здание, хотя и начата была подготовка к взрыву.

Уже через несколько дней после изгнания немцев в здании Киевской оперы состоялся первый концерт украинской и советской музыки. В зал театра, после двухгодичного перерыва, снова пришли киевляне и красноармейцы. Трудно описать возбуждение, царившее за кулисами театра вечером, когда шел концерт. Под высокими сводами театра снова широко и привольно зазвучала украинская песня, веселый топот. Артистка Иващенко, певшая украинские песни, вернулась за кулисы со слезами на глазах. Сбиваясь, глотая слезы, она говорила: «В зале сидят наши! Я пела украинские песни. Товарищи, концерт окончился...»

Сейчас начата работа по восстановлению украинских опер. С нетерпением ждут в Киеве мастеров Киевской оперы Литвиненко-Вольгемут, Паторжинского и других, в тылу страны сохранивших сокровища украинского оперного искусства.

Брюкнер не выполнил своей «миссии»: ему не удалось убить украинскую оперу. Он не мог этого сделать, ибо украинское искусство бессмертно.

Киев.